

РЕАЛЬНЫЕ ДОГОВОРЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ЭВОЛЮЦИИ ПРАВА

В. И. Ермолович

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

В статье исследуются договоры займа, залога и хранения в праве средневековой Сербии и Беларуси как реальные соглашения. Проанализирован механизм содержания и правоприменения реальных договоров и возникновения из них обязательственных отношений. Рассмотрен процесс рецепции норм реальных договоров римского частного права в правовую систему средневековой Сербии и Беларуси.

РЭАЛЬНЫЯ ДАГАВОРЫ Ё ГАСПАДАРЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ СЯРЭДНЕВЯКОВАЙ СЕРБІІ І БЕЛАРУСІ ЯК КРЫНІЦА ЭВАЛЮЦЫІ ПРАВА

В. І. Ермаловіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь

У артыкуле даследуюцца дагаворы пазыкі, залога і захавання ў праве сярэднявяковай Сербіі і Беларусі як рэальных пагадненняў. Прааналізаваны механізм зместу і правапрымянення рэальных дагавароў і ўзнікнення з іх абавязацельных праваадносін. Разгледжаны працес рэцэпцыі норм рэальных дагавароў рымскага прыватнага права ў прававую сістэму сярэднявяковай Сербіі і Беларусі.

REAL CONTRACTS IN ECONOMIC ACTIVITY OF MEDIEVAL SERBIA AND BELARUS AS A SOURCE OF EVOLUTION OF LAW

V. I. Ermolovich

The Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus

The subject of research in the article are the contracts of loan, security and storage in the law of medieval Serbia and Belarus as the real contract. The mechanism of content and enforcement of the real contracts were analyzed as well as emergence of legal relationship liability. The process of roman private law reception into the legal system of medieval Serbia and Belarus was considered.

В период средневековья реальные контракты римского частного права претерпели определенные изменения в праве стран Западной и Восточной Европы. Наиболее типичным примером эволюции реальных договоров в эпоху средневековья является право Сербии и Беларуси. Основу указанных право-

вых систем составляли славянские правовые обычаи и нормы римского частного права, которые за длительный исторический период также трансформировались в отечественные правовые системы южных и восточных славян.

В средневековом сербском праве договор займа опирался на нормы формирующегося залогового права. Об этом свидетельствует ст.90 “Законника Стефана Душана”, постановление которой гласит: “Залоги, где только находятся, да выкупаются” [1, с. 124]. Из чего следует, что в силу договора займа заимодавец передавал заемщику определенную сумму денег или определенное количество вещей (чаще всего продуктов питания – прим. В.Е.). В содержании указанного вида договора, красной нитью прослеживается классовая его сущность. Заимодавцами чаще всего были представители господствующего класса – феодалы, а заемщиками обычно выступали обедневшие крестьяне. Неудивительно, что нормы уже раннего средневекового права Сербии, которые базировались на традициях римского частного права, защищают в первую очередь интересы заимодавца. Статья 1, титула X “Эклоги” (Славянская “Эклога”, статья 1, титул X,) гласит, что заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие вражеского нашествия, морского кораблекрушения или по какой-либо другой причине. Следовательно, отсрочка долга не допускалась даже при непреодолимой силе, даже в случае таких стихийных бедствий, предотвратить которые было не в силах должника [2, с. 78]. Для средневековой Сербии набеги врагов были обычным явлением, и часто происходило полное разорение крестьян в ходе этих набегов. Однако никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок.

При невыполнении заемщиком своих обязательств в установленный срок, кредитор после нескольких предупреждений (не менее двух) имел право продать вещи, полученные в залог от заемщика. Из полученной суммы в результате реализации предмета залога кредитор имел право погасить долг заемщика, исходя из условий договора займа [3, с. 30]. Указанный подход к реализации института займа в немалой степени способствовал обезземеливанию, разорению крестьян, превращению их в зависимую категорию населения. Вместе с тем, постановления действующих правовых актов на территории феодальной Сербии содержали и некоторые ограничения в отношении правомочий кредитора. Например, заимодавец в соответствии с постановлением статьи 3, титула X “Эклоги” (Славянская “Эклога”, титул XI, ст.1) не имел права брать в залог детей должника и привлекать их к работам, выполняемым рабами. Впрочем, указанная норма исполнялась формально.

Вместе с тем указанная выше статья свидетельствует о наличии в обязательном праве средневековой Сербии института личной зависимости должника и его родственников от кредитора. Данный институт в форме личной кабальной зависимости был известен и в праве Древнерусского государства (ст.ст. 54, 56 Пространной редакции «Русской Правды») [4, с. 68, 102-103]. Однако только в ст.ст. 76 и 78 Судебника 1550 г. прослеживается попытка русского законодателя по новому рассматривать договор кабального хо-

лопства, т.е. личного залога. Закон устанавливает предельную сумму, за которую можно закабалиться – 15 рублей, чтобы кабальный человек имел возможность хоть когда-нибудь расплатиться [5, с. 115, 116, 161]. Старые кабалы, сумма которых могла быть выше 15 рублей, сохранялись, но должны были соответствующим образом оформляться, после чего вопрос о неправомерности кабалы решался судом. При этом дело осложнялось фактами добровольного заклада несостоятельных должников, но царский указ 1558 г. дал разъяснение о том, что такой заклад может длиться только «до искупу», т.е. установленного законом срока отработки долга [6, с. 144].

Однако недостаточно четкое определение и положение физических лиц в средневековом русском законодательстве выразилось в перенесении ответственности по обязательствам с конкретного лица, заключившего их, на третьих лиц – прежде всего на членов семьи: супруг отвечал по обязательствам другого супруга, отец – по обязательствам детей, дети – за отца [2, с. 79]. Перенесение ответственности допускалось, согласно статьи 22 Судебника 1550 г., также от господина на его людей: «А которые люди учнут искати на наместниках или на волостелех и на их людях по жалобницам...», слуг и крестьян, например, «правеж» применялся к лицам, лично не связанным по данному обстоятельству [5, с. 100]. Подобная солидарная ответственность распространялась и на имущество господина по долгам, сделанным его людьми (традиция, идущая от «Русской Правды»). Целью такого переноса ответственности было сохранение обязательства и имущественных интересов кредитора, т.е. идея была вполне рациональная и совпадающая с главными тенденциями в развитии данной отрасли права. Однако, задача решалась старыми средствами, основанными на традиции и древнем солидаризме семьи, выступающей в качестве правового субъекта. И все же основанием для такого распространительного порядка была не кровнородственная солидарность, а семейная общность имущества. Даже в случае с переносом ответственности с господина на крестьян и обратно законодатель имел в виду тот же мотив.

Согласно “Синтагме” Матвея Властаря, если в залог была дана вещь, приносящая плоды (т.е. заложен фруктовый сад – прим. В.Е.), то плоды, собранные от этой вещи, должны быть зачислены в счет долга. При этом должны были быть учтены не только собранные плоды, но и те, которые были потеряны вследствие небрежности [7, с. 298].

Длительное время короли Сербии пытались сдерживать широкомасштабное разорение населения страны, которое вело к ослаблению обороноспособности государства. Осуществлялась политика сдерживания путем правового запрета церкви – потенциально сильному субъекту хозяйственной деятельности в стране – заниматься ростовщической деятельностью. Данная правовая традиция была заложена еще Святым Саввой в главе 45 “Номоканона” (“Кормчей книги”) в 1219 г. и получила дальнейшее развитие в Хрисовулах королей Милутина и Стефана Душана Хиландарскому монастырю. Ограничения на занятие роставщической деятельностью для Сербской церкви были

сняты в 1388 г. на основании Хрисовула, выданного кесарем Грегуром Архангеловскому монастырю.

В отношении мирских лиц запрета на занятие ростовщической деятельностью в средневековой Сербии, как впрочем и в ряде сопредельных стран: Хорватии и Боснии не было. На это указывает О. Станойвич в своей докторской диссертации «Займ в истории права». В частности, она подчеркивает, что нормы обычного права на территории Сербии, Хорватии и Боснии допускали величину процентной ставки в размере 6 – 12 % от величины займа [8, с. 207]. В случае возникновения конфликтной ситуации в отношении выплаты долга и величины процентов истец (кредитор) в период раннего средневековья апеллировал к законодательству Юстиниана и «Эклоге», а с XIV в. к нормам «Синтагмы М. Властара». Например, указанный правовой акт допускал комиссионный сбор при покупке и продаже серебра в 8 % от суммы сделки, займ на оснащение корабля ограничивался 12 %. Займ плодов растений составлял 12 % годовых от его величины [8, с. 203].

Договор займа в средневековой Сербии и соседствующих с ней странах, заключался как в устной, так и документальной форме. Письменные документы являлись лучшим доказательством наличия договора займа. В средневековом сербском государстве устное соглашение также применялось в отношении незначительных сумм займов до 4,5 перперов. Однако, известны единичные случаи и о больших займах, которые выдавались без наличия письменных соглашений. Например, Боснийский бан Стефан Котроманич дал займы жителю города Дубровника 4647 перперов, что в те времена было очень большой суммой денег. Сын и наследник бана потребовал от заемщика вернуть долг. Дело дошло до судебного разбирательства в г. Дубровнике. Несмотря на то, что письменного доказательства не было, суд иск истца, т.е. наследника С. Котроманича удовлетворил на основе клятвы посланника бана Твратка, который был свидетелем данной сделки [8, с. 210].

Средством обеспечения договора займа с древних времен являлся залог и поручительство.

Залог на недвижимое имущество в праве средневековой Сербии, как и других славянских государств, осуществлялся в двух формах. Во-первых, передача заложенного имущества кредитору, притом, что кредитор эксплуатировал переданных ему вместе с имением людей в счет процентов по займу и мог переуступать свои права другим лицам, и, во-вторых, ипотека, т.е. залог в форме записи долгов на имения в судебных книгах, без передачи имения кредитору. Движимые вещи могли передаваться в залог без письменного засвидетельствования у должностных лиц. В случае, если залогодатель не выкупал в указанный в соглашении срок своей вещи, возможны были два варианта: либо залогодержатель обращал ее в свою собственность и поступал с ней по своему усмотрению, если это было заранее оговорено в соглашении, либо залогодержатель обязан был продать заложенную вещь и из полученной суммы вычесть свой долг, а остаток вручить залогодателю. При этом право собственности на

заложенные недвижимые вещи, с правом их последующего выкупа, можно было передавать родственникам и наследникам.

Недвижимое имущество, переданное кредитору в залог, как правило, не переходило в его собственность и по истечении срока давности, но если в соглашении о займе и залоге имелась специальная оговорка о сроке платежа, то невыкупленное заложенное имение переходило в собственность залогодержателя. Залогодержатель имел преимущественное право на первоочередное удовлетворение своих требований с заложенного имущества должника по сравнению с другими кредиторами.

Институт залога движимого и недвижимого имущества в праве средневековой Сербии по своей форме и содержанию базировался на нормах римского права. Например, в залоговом праве средневековой Сербии, как в римском частном праве, широко использовалась ипотека, т.е. залог в форме записи долгов в судебных книгах, без непосредственной передачи собственности должника в руки кредитора.

Нередко в качестве должника выступало и государство, когда у него не было наличных денег для удовлетворения насущных потребностей. В таких случаях сербское и сопредельные с ним государства нередко обращались к принудительным займам у частных лиц, предоставляя им в обеспечение часть своих доходов. Например, 18 октября 1323 г. большое вече Дубровника постановило, что ввиду приближения дня Св. Дмитрия, когда должна быть произведена уплата дани королю Сербии Урошу-Стефану Дечанскому, республике необходимо занять недостающие для выплаты 800 перперов. Ссуда этой суммы была распределена между 150 лицами, под залог им одной трети таможенных доходов [9, с. 242].

Средневековому праву Сербии был известен договор вклада. В его основе лежал реальный договор, который известен в римском частном праве как договор хранения (*depositum*). Сущность данного договора заключалась в том, что на поклажепринимателе лежала обязанность хранить вещь в течении определенного времени, а затем по требованию поклажедателя – вернуть ее.

Вклад, как вид договора, в средневековой Сербии и сопредельных с ней приморских территорий оформлялся на основе двухсторонних договоров правителей Сербии и Дубровника, заключенных в 1252, 1254, 1282, 1302, 1362 и 1387 гг. [10, с. 184, 201]. Согласно принятым обязательствам договорившиеся стороны гарантировали неприкосновенность имущества подданным обеих государств на своей территории. Представители правящей династии и сербская знать делали вклады своего движимого имущества (драгоценности, слитки золота и серебра, ценные вещи) в Дубровнике, страхуя себя от внутренних и внешних неприятностей, т.е. на случай бегства из страны. С другой стороны, дубровчане приобретали в Сербии недвижимое имущество. “Синтагма” Матвея Владаря являлась правовой основой, которая регулировала ответственность за сохранность имущества (дипозитарий) подданных Сербии в Дубровнике [7, с. 95-203]. Интересы дубровчан соблюдались на основе ст. 125

“Законника Стефана Душана”, которая предписывала владеть тем имуществом, которое и ранее им принадлежало.

В случае причиненного ущерба имуществу, находящемуся на сохранении или его полной гибели возникали обязательства из причинения вреда, которые регламентировались законодательно и защищались действием прямого иска. При этом сторона договора ответственная за сохранность имущества по договору поклажи не несла ответственность при случайной гибели имущества (стихийное бедствие, кража и т.д.), т.е. риск случайной гибели имущества лежал на собственнике этого имущества. Законодатель при этом считал, что вещи собственника, которые были похищены или погибли в результате пожара вместе с имуществом хранителя поклажи, подпадали под условие случайной потери. Хозяин утраченного имущества должен был присягнуть в том, что эти вещи «не скорыстил и ку пожитку своему ничего не обернул». В случае гибели или повреждения только имущества собственника, в то время как вещи хранителя поклажи остались неповрежденными, последний обязан был те вещи вернуть или уплатить их стоимость. Риск случайной гибели лежал на хранителе поклажи (хозяине дома) и в том случае, если вещи собственника хранились отдельно от имущества хозяина, а последний использовал их или перенес в другое место.

С конца XIII века на основе договора вклада в средневековой Сербии начинает формироваться новый вид реального договора – договор банковского вклада. Данный договор также являлся реальным договором по своему содержанию, но при этом был двусторонним и возмездным. Известно, что сербский вельможа Сандал Гранич из Конавля в начале XV в. сделал вклад в размере 12000 перперов в Дубровницкий банк исходя из 5 % годовых на вечные времена [11, с. 111]. В данном случае мы имеем дело с бессрчным вкладом.

В рамках данного вида договора вклады уже размещались не только с целью хранения, но и получения дохода в форме процентной ставки. В связи с этим мы можем сделать вывод, что в исследуемый исторический период в средневековом праве Сербии сформировался самостоятельный гражданский договор на основе развития правоотношений, которые уже включали элементы возмездного оказания услуг и хранения.

Анализ реальных договоров в праве средневековой Сербии показал, что нормы данного вида договоров ощущали на себе серьезное влияние римского частного права. Правоприменение договора займа в праве средневековой Сербии способствовало развитию там важнейших институтов залогового права, которые были реципированы из римского частного права. В их числе были залог движимого и недвижимого имущества, поручительство как форма обеспечения обязательства.

Вклад как вид реального договора получил широкое распространение в праве средневековой Сербии в виде договора поклажи, содержанием которого является сохранность чужой собственности. По своему характеру данный договор как и договор хранения в римском частном праве является имуществен-

ным договором, требующим соответственного оформления и возлагающий на лицо, сохраняющее имущество, определенную ответственность. Основное требование законодателя к хранителю имущества в праве средневековой Сербии сводилось к обеспечению сохранности имущества с последующим его возвращением в том виде, в котором оно поступило на хранение. В случае гибели или повреждения имущества собственника, в то время как вещи хранителя поклажи остались неповрежденными, последний обязан был те вещи вернуть или уплатить их стоимость. Риск случайной гибели лежал на хранителе поклажи (хозяине дома) и в том случае, если вещи собственника хранились отдельно от имущества хозяина, а последний использовал их или перенес в другое место.

На рубеже XIII – XIV веков на основе договора вклада в средневековом праве Сербии начинает формироваться новый вид реального договора – договор банковского вклада. Данный договор являлся так же реальным договором по своему содержанию, но при этом был двусторонним и возмездным. Данный вид договора как и другие реальные соглашения в праве средневековой Сербии также реализовывался на основе норм римского частного права.

Наиболее древним источником изучения реальных договоров в праве средневековой Беларуси сохранившимся до наших дней является международный договор 1229 г. о добрососедских отношениях и свободной торговле в бассейне реки Западная Двина и Балтийском побережье между Полоцким, Витебским и Смоленским княжествами с одной стороны и городами Балтийского побережья, который был подписан в г. Готланде. В российской юридической историографии данный договор нередко называют «Смоленской торговой правдой». Данное соглашение содержит нормы, регламентирующие договор займа. Так, пункт 7 указанного правового акта гласит: «Аже Латинин дасць княжю холопу в заем, или иному добру человеку, а умереть не заплатив, а кто емлеть его останок, тому платити Немчину» [12, с. 15]. Из чего следует, что если немецкий торговец даст в долг по договору займа холопу или иному человеку (жителю указанных княжеств – прим. В.Е.) имущество, а должник умрет, то тот, кто примет наследство должен будет сначала исполнить обязательство в пользу кредитора. В данном случае очевидным является тот факт, что договор займа, как и ряд других реальных договоров, были уже достаточно давно известны и широко применялись на территории средневековой Беларуси.

Довод о широкомасштабном применении договора займа на территории средневековой Беларуси находит свое подтверждение и в работах историков права. Так в своей докторской диссертации «Развіццё агульназемскага права Беларусі ў XV-XVI стагоддзях» профессор Т.И. Довнар подчеркивает следующее: «Пазыкай (займам) называецца дагавор, па якому адна асоба абавязваецца вярнуць узятая ў іншай асобы рэчы, але рэчы не тыя ж самыя, а замененыя ў той жа колькасці і такой жа якасці. Гэты дагавор з даўніх часоў быў шырока распаўсюджаны. Простае насельніцтва амаль штодзённа пазычала муку, зерне, мёд і іншыя харчовыя прыпасы. Такія дагаворы заключаліся ў вуснай форме і яны не цікавяць заканадаўцу». Займом называется договор, по которому одна сторона обязуется вернуть взятые у

другой вещи, не те самые, а другие, но в том же количестве и такого же качества. Этот договор с древних времен получил широкое правоприменение. Население регулярно занимало друг у друга муку, зерно, мёд и другие продукты питания. Данные договоры заключались в устной форме и не интересовали законодателя' [13, с. 113 – 114].

По мере развития товарно-денежных отношений, позиция законодателя изменяется. Законодатель начинает проводить политику жёсткой регламентации в отношении договора денежного займа. Так, в статье 3 раздела X Статута Великого княжества Литовского, Русского, Жамойтского (далее – ВКЛ) 1529 г. мы наблюдаем факт данной регламентации «...абы жадин шляхтич и мещанин не позычил вышэй десяти коп без листу» [14, с.111]. Следовательно, статутное законодательство, вводило обязательную письменную форму заключения сделки в отношении договора займа, если предмет её превышал сумму в 10 коп денег. Позже, на основе норм закреплённых в статье 7 раздела VII Статута ВКЛ 1588 г., обязательным условием для заключения договора займа станет не только его письменная форма, где должник подписывал договор и ставил свою печать, но и обязательное засвидетельствование данного договора тремя свидетелями из числа представителей благородного сословия, т. е. шляхтичей [15, с. 236].

Средством обеспечения договора займа являлся залог и поручительство.

Залог на недвижимое имущество в праве ВКЛ (XIII – XVI вв.) осуществлялся в двух формах. Профессор И.А. Юхо выделял, во-первых, передачу заложенного имущества кредитору, притом, что кредитор эксплуатировал переданных ему вместе с имением людей в счет процентов по займу и мог переуступать свои права другим лицам, и, во-вторых, – ипотека, т.е. залог в форме записи долгов на имении в судебных книгах, без передачи имения кредитору [16, с. 98]. Движимые вещи могли передаваться в залог без письменного засвидетельствования у должностных лиц. В случае, если залогодатель не выкупал в указанный в соглашении срок своей вещи, возможны были два варианта: либо залогодержатель обращал её в свою собственность и поступал с ней по своему усмотрению, если это было заранее оговорено в соглашении, либо залогодержатель обязан был продать заложенную вещь и из полученной суммы вычесть свой долг, а остаток вручить залогодателю. При этом право собственности на заложенные недвижимые вещи, с правом их последующего выкупа, в соответствии с законодательством ВКЛ можно было передавать родственникам и наследникам. В пользу этого свидетельствует письменное распоряжение князя Василя Ошемячича, сделанное им в пользу княжны Ульяны Ивановны... перед отъездом на государеву службу в 1508 г.: «... А въ князя Семена Белского тры святости заложены у двадцати капах да во шти, и я отписаль два кресты сесътры своей, а третяя понагея золотая з мощми, да з жемъчуги, ино тое кн(я)жнее Ульяне поногея, а грошы платить имъ по трете, сесътре моей две доли платить, а княжъне Ульяне третяя доля платити.

... А в Сенка Яновича спорок камия александреиская на золоте а з орълученки, женская шубка у десяти копахъ заложено, тое себе княжъна выкупи Ульяна.

... И шуба соболя с оксамитом синим на золоте, а одиннадцать пугвиць серебряныхъ позолочены, да кубокъ фрустален обложенъ серебромъ жъ жемъчуги, да коробька, матка жемчужная, серебромъ обложена позолочена, с верышком, у пана Ивана Альпишевича заложено, то собе кн(я)жъна Уल्याна выкупи, у петидесять копахъ лежить.

А што святости моихъ у васъ, ино твоя половина готова у тебе будетъ, а другое собе какъ могучы доставаи у сестры своей.

И печать есми свою к сему моему отпису приложилъ» [17, с. 281 – 282].

Недвижимое имущество, переданное кредитору в залог, как правило, не переходило в его собственность и по истечении срока давности, но если в соглашении о займе и залоге имелась специальная оговорка о сроке платежа, то невыкупленное заложенное имение переходило в собственность залогодержателя [18, с. 121]. Залогодержатель имел преимущественное право на первоочередное удовлетворение своих требований с заложенного имущества должника по сравнению с другими кредиторами.

Институт залога движимого и недвижимого имущества по своей форме и содержанию в праве средневековой Беларуси базировался на нормах римского частного права. В пользу нашего довода свидетельствует тот факт, что в залоговом праве обеих правовых систем широко использовалась ипотека, т.е. залог в форме записи долгов в судебных книгах, без непосредственной передачи собственности должника в руки кредитора.

Нередко стороной договора займа выступало и государство в лице великого князя. В таком случае кредитор получал в залог объект государственной собственности с правом его использования до полного погашения займа. Так, например, Король Польши и великий князь ВКЛ Александр передал на основании своей Грамоты от 8 июля 1506 г. во временное пользование (на правах аренды) Брагинскую волость Даниле Дедковичу « до тѣхъ поръ, пока Дѣдковичъ не выберетъ съ нихъ 230 копъ грошей, истраченныхъ имъ на господарской службѣ въ Ордѣ » [19, с. 117]. Аналогичный пример, мы наблюдаем, и в распоряжении великого князя Сигизмунда I от 8 апреля 1514 г., в соответствии с которым великий князь поручил наместнику могилёвскому Юрию Зеновьевичу погасить предоставленный ранее им государю заём в размере 1300 коп за счёт налогов и сборов с Могилёвского староства [19, с.154 – 155].

Исходя из анализа статутных норм ВКЛ, регламентирующих действие договора займа, которые были введены в действие в XVI веке, мы видим, что право на процессуальную защиту сторона в данном договоре обретала только при его правильном юридическом оформлении. В данном случае, мы наблюдаем прогресс в развитии позднего средневекового права Беларуси, даже в сравнении с римским частным правом. В римском частном праве было закреплено многообразие форм заключения договора займа, в то время как в праве средневековой Беларуси, была введена единообразная обязательная письменная форма оформления данного договора. Кроме того, в статье 12 раздела VII Статута ВКЛ 1588 г. была закреплена норма, в соответствии с которой заём и залог не имели срока исковой давности [19, с. 238]. Следовательно, лицо любого положения и звания могло свободно

взыскивать долги как с прямых должников, так и с их наследников на основе юридически правильно оформленного договора. При этом, долги могли взыскиваться как с движимого, так с недвижимого имущества, но только в форме судебного разбирательства, на основе судебного решения. При взыскании долга допускалась отсрочка сроком до 24 недель, но только при условии сложных жизненных обстоятельств должника [13, с. 115].

Законодательство ВКЛ значительное внимание уделяло и факту возможной гибели документов связанных с обязательствами по договору займа. Законодатель при этом детализировал способ доказывания случайной гибели этих документов и установил верхнюю границу той суммы, которая могла приниматься во внимание судом при рассмотрении подобного рода дел («до двухсот коп грошей»).

В праве феодальной Беларуси мы не находим упоминаний о процентах взимаемых по договору займа, хотя уже в праве Древней Руси, которое широко использовалось на территории ВКЛ, действовали нормы права регулирующие обязательства по процентам. Так, статья 50 «Русской правды» гласит, что проценты должны взыматься только при свидетелях, иначе займодавец не имел права не только на проценты, но и на получение денег. Закреплялось также законодательно, что кредитор, помимо установленных процентов, не должен требовать новых. Закон определял в средневековой Беларуси и размеры процентов. Было установлено, что если месячный срок затянется на год, то кредитор не взымал месячные проценты с должника, а переводил их в годовые [20, с. 33].

В «Русской Правде» были также и положения о купцах, которые брали заем для торговых целей. Для данной категории лиц была установлена льготная отсрочка платежа долга на несколько лет, если купец-должник потерпел кораблекрушение, подвергся ограблению, или его товар погиб при пожаре. Однако, если купец сам был повинен в растрате денег, т.е. деньги были пропиты или проиграны, то заемщик отдавался во власть кредитора. Он мог принять решение, как о предоставлении новой отсрочки платежа, так и продажи должника в рабство [20, с. 34].

Договор ссуды также был известен праву средневековой Беларуси. Однако значение имеет тот факт, что правоотношения при ссуде в большинстве случаев возникали между близкими людьми (родственниками, соседями, друзьями) и регулировались нормами обычного права, многие из которых не дошли до нас. В письменных источниках права данный договор не нашёл должного отражения. Известно, что на территории ряда удельных княжеств средневековой Беларуси в XV – XVI вв. в отношении договора ссуды применялись нормы статьи 28 «Псковской судной грамоты». В связи с этим отметим, что в «Псковской судной грамоте» договор ссуды во многом отождествлялся с договором займа без уточнения их различий. Первым на этот факт в юридической историографии обратил внимание Я. Г. Северский в работе «Памятники древнерусского законодательства» [21, с. 34].

Договор хранения как вид классического договора римского частного права на территории ВКЛ не получил широкого правоприменения. В указанный исторический период в белорусских землях широкое распространение получил договор поклажи, содержанием которого является также сохранность чу-

жой собственности. По своему характеру данный договор является имущественным договором, требующим соответственного оформления и возлагающий на лицо, сохраняющее имущество, определенную ответственность. По своему характеру – это реальный договор, обязательства по которому возникали в момент передачи имущества на хранение конкретному лицу. Основное требование законодателя к хранителю имущества сводится к обеспечению сохранности имущества с последующим его возвращением в том виде, в котором оно поступило на хранение.

В случае причинённого ущерба имуществу, находящемуся на хранении, или его полной гибели возникали обязательства из причинения вреда, которые регламентировались законодательно и защищались действием прямого иска. При этом сторона договора, ответственная за сохранность имущества по договору поклажи, не несла ответственность при случайной гибели имущества, т.е. риск случайной гибели имущества лежал на собственнике этого имущества. Законодатель при этом считал, что вещи собственника, которые были похищены или погибли в результате пожара вместе с имуществом хранителя поклажи, подпадали под условие случайной потери. Хозяин утраченного имущества должен был присягнуть в том, что эти вещи «не скорыстил и ку пожитку своему ничего не обернул» [22, с.62]. В случае гибели или повреждения только имущество собственника, в то время как вещи хранителя поклажи остались неповрежденными, последний обязан был те вещи вернуть или уплатить их стоимость. Риск случайной гибели лежал на хранителе поклажи (хозяине дома) и в том случае, если вещи собственника хранились отдельно от имущества хозяина, а последний использовал их или переносе в другое место [22, с. 62].

Анализ реальных договоров в праве средневековой Беларуси показал, что нормы данного вида договоров ощущали на себе серьёзное влияние римского частного права. Правоприменение договора займа в праве средневековой Беларуси способствовало развитию там важнейших институтов залогового права, которые были реципированы из римского частного права. В их числе были залог движимого и недвижимого имущества, поручительство как форма обеспечения обязательства.

Вклад как вид реального договора получил широкое распространение в праве средневековой Беларуси в виде договора поклажи, содержанием которого является сохранность чужой собственности. По своему характеру данный договор как и договор хранения в римском частном праве является имущественным договором, требующим соответственного оформления и возлагающий на лицо, сохраняющее имущество, определённую ответственность. Основное требование законодателя к хранителю имущества в праве средневековой Беларуси сводилось к обеспечению сохранности имущества с последующим его возвращением в том виде, в котором оно поступило на хранение. В случае гибели или повреждения имущества собственника, в то время как вещи хранителя поклажи остались неповрежденными, последний обязан был те вещи вернуть или уплатить их стоимость. Риск случайной гибели

ли лежал на хранителе поклажи (хозяине дома) и в том случае, если вещи собственника хранились отдельно от имущества хозяина, а последний использовал их или перенес в другое место.

Вместе с тем, договор хранения, сформированный в недрах римского частного права не получил широкого правоприменения в праве средневековой Беларуси вероятнее всего из-за слабого развития товарно-денежных отношений. Договор хранения является стадией, которая предшествует появлению нового по форме и содержанию вида реального договора – договора банковского вклада. Данный договор так же реальный, но уже двусторонний и возмездный. Время практического применения данного вида договора на территории средневековой Беларуси ещё не наступило. Социально-экономические отношения ещё не достигли необходимого уровня развития. В данном случае, мы сталкиваемся с феноменом характерным для славянских народов в древние времена. Предкам современных славян, в данном случае сербов и белорусов, был чужд подход слепого копирования даже передового зарубежного опыта. Этот факт являет нам реальный пример, здорового славянского прагматизма. Основные его принципы изложены в монографическом исследовании нашего современника, российского учёного А. В. Серёгина «Государство и право южных и западных славян в средневековой Европе». Они сводятся к следующему: «вспомнить заветы предков, вернуться к своим корням и жить собственным умом» [23, с. 300]. И тогда всё у нас получится!

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что несмотря на наличие общих и отличительных черт характерных для реальных договоров права средневековой Сербии и Беларуси, механизм их содержания и правоприменения соответствует основным критериям теории римского частного права сформулированной при императоре Юстиниане. Одно из важнейших правил данной теории сводится к следующему: передача вещи или выполнение какого-либо другого действия на каком-либо обязательственном основании может служить формой создания реального договора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Законик цара Стефана Душана: Барањски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис / Уредници академици М. Пешакан, И. Грицкат – Радуловић, М. Јовичић. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1997. – Књ. III. – 499 с.
2. Ермолович, В.И. Основные институты обязательственного права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (сравнительный анализ) / В.И. Ермолович // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2008. – № 11. – С.78 – 85.
3. Ермолович, В.И. Право средневековой Сербии (XII-XV вв.) / В.И. Ермолович. – Минск: БГЭУ, 2003. – 120 с.
4. Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах. – Т.1: Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 342 с.

5. Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах. – Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.
6. Ермошин, В.В. Развитие русского права в XV – перв. пол. XVII в. / В.В. Ермошин, Н.Н. Ефремова, И.А. Исаев. – М.: Наука, 1986. – 288 с.
7. Флоринскій, Т.Д. Памятники законодательной дѣятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы. Сербскій Законникъ. Сборники византійскихъ законовъ / Т.Д. Флоринскій. – Киевъ: Императорскій университет св. Владиміра, 1888. – 491 с.
8. Stanojević, O. Zajam u istoriji prava. Doktorska disertacija branjena 4 jula 1964 godine na Pravnom fakultetu u Beogradu pred komisijom... - Beograd: Univerzitet u Beogradu, 1964. – 325 s.
9. Флоринскій, Т.Д. Критическія и бібліографическія замѣтки: Новые матеріалы для исторіи Дубровника / Т.Д. Флоринскій // Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. - 1880. – Ч. ССХІ. - № 9. – С. 222 – 261.
10. Новаковић, С. Законски споменци српских држава средњег века / С. Новаковић. – Београд: Српска Академија наука, 1912. – 912 с.
11. Макушевъ, В.В. Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника / В.В. Макушевъ. – СПб.: Имп. академія наукъ, 1867. – 446 с.
12. Доўнар, Т.І. Помнікі права Беларусі феадальнага перыяду / Т.І. Доўнар. – Мінск: Ін-т саврем. знаній, 2011. – 311 с.
13. Доўнар, Т.І. Развіццё агульназемскага права Беларусі ў XV-XVI стагоддзях: дыс... доктара юрыдычных навук. БДУ. – Мінск, 1997. – 226 с.
14. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / Под ред. академика АН Литовской ССР К. И. Яблонскиса. – Минск: Изд-во АН БССР, 1960. – 254 с.
15. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. / Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
16. Юхо, И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И.А. Юхо. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1978. – 143 с.
17. Lietuvos Metrika. Kn.8. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijis leidykla, 1995.-708p.
18. Ермолович, В.И. Основные институты обязательственного права (сравнительный анализ законодательства средневековой Сербии и Великого княжества Литовского) / В.И. Ермолович // Право и демократия: сб. науч.трудов. Вып. 18. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) и [др.]. – Минск: БГУ, 2007. – С.113 – 126.
19. Акты Литовско- Русскаго государства (1390 – 1529 гг.) изданные М.В. Довнаръ-Запольскимъ // Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. – М.,1899. – Кн.4. – С.1 – 258.
20. Серёгин, А.В. Собрание памятников древнеславянского права: в 4 т. –Т. 1: Юридические источники Древней Руси / А. В. Серёгин. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. – 244 с.
21. Северскій, Я.Г. Памятники древнерусскаго законодательства / Я. Г. Северскій. – СПб.: Изд-во В.Безобразова и К, 1893. – 128 с.
22. Доўнар, Т.І. Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV-XVI стагоддзяў / Т.І. Доўнар. – Мінск: БДУ, 1997. – 85 с.
23. Серегин, А.В. Государство и право южных и западных славян в средневековой Европе: монография / А.В. Серегин. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.